

Сергей Заяицкий

БАКЛАЖАНЫ

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
3-40

Заяицкий С.

3-40 Баклажаны / С. Заяицкий. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM. — 154 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-519-72642-9

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Сергея Заяицкого «Баклажаны».

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-72642-9

© Т8 RUGRAM, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1. Судьба на веревочке	5
Часть 2. Ее величество королева баклажанская	18
Часть 3. Экстренная неудача.....	39
Часть 4. Дьявольские штуки.....	50
Часть 5. Мистика.....	61
Часть 6. Львович	72
Часть 7. Хвостатые буржуи.....	80
Часть 8. Баклажанский столп и утверждение.....	91
Часть 9. Девушка из Калькутты	98
Часть 10. Баклажанские огороды	111
Часть 11. Дон Кихот номер первый.....	119
Часть 12. Дон Кихот номер второй.....	129
Часть 13. Шутка Амура. Страх	135
Часть 14. Своя тарелка	148
Эпилог.....	152

ЧАСТЬ 1

СУДЬБА НА ВЕРЕВОЧКЕ

Разве не говорили все и разве не утверждали, что украинские ночи сотворены для любовных восторгов?

Разве Гоголь не восклицал патетически: «Знаете ли вы украинскую ночь?» — и разве не отвечал он сам, видя, что язык отнялся у заробевшего читателя: «О, вы не знаете украинской ночи».

И разве Куинджи кусок этой ночи, втиснутый в золотую раму, не передвигал по всем губернским городам Российской империи, пока не пригвоздил его гвоздем вечности к стене Третьяковского прибежища?

Да. Пленительна и сластолюбива украинская ночь. Но в сто, в тысячу, в миллион раз пленительнее и сластолюбивее знойный украинский полдень.

Беззвучно и тихо скользит хрустальная река. Где-то вдали, словно чье-то бестревожное сердце, постукивает мельница, огромный, как майн-ридовский кондор, аист-лелека мерно пролетает над водою.

О счастливые любовники, обитающие в Советской Украинской Социалистической Республике! Усталые, раскинулись вы среди лоз, разросшихся на песке, и перебираете пальцами золотую солнечную сетку и грезите о тех време-

нах, когда у человека отец был уже человек, но дедушка еще шимпанзе.

Да. Прекрасен украинский полдень, и не угнаться за ним, никогда не угнаться куинджевской ночи.

* * *

Двадцатого июля тысяча девятьсот, кажется, двадцать пятого года на белом пляже у реки Ворсклы грелись и отдыхали после купанья три голые — вполне можно сказать — красавицы, с телами не светлее той медной посуды, которую продают у нас цыгане, и волосами такими же черными, как цыганские бороды. Три красавицы эти были на три различных вкуса, и появившись сейчас среди них древний Парис, он, пожалуй, опять затруднился бы, которой вручить свое историческое яблоко, вернее, предложил бы каждой по очереди отведать понемножечку.

Одна была очень пышна и очень тяжела и лежала между своими подругами, как массивная библия с рисунками Дорэ лежит между переплетенными брошюрами.

Другая была стройна, как кедр ливанский, обращенный к востоку. Похожая на Суламифь, она посыпала горячим песком свое смуглое бедро и презрительно жевала стебель.

Третья была вертлява и костлява, она совсем не лежала спокойно, но то падала ничком, словно плавала по песку, то, раскинувшись, распластывалась на спине, отдаваясь солнцу, то садилась на корточки, опираясь руками о землю, как кенгуру, готовый прыгнуть.

Вокруг красавиц валялись белые рубашки и пестрые платья, туфли и еще ханки — пустые высохшие тыквы, заменяющие украинским Веверлеям пузыри.

Красавицы уныло пели на мотив известного танца баядерки:

*Омоложенье — это радость, мечта.
Вернется юность и красота.
Исчезнет ряд морщин,
Исчезнет ряд седин,
И буду я опять пленять мужчин.*

— Соломон вчера опять приходил и искал моей руки, — сказала Суламифь, — он до того в меня влюблен, что мне даже стыдно, тем более что замуж я за него никогда не выйду.

— Почему же ты никогда за него не выйдешь, Рая? — спросила самая полная, переворачиваясь осторожно, чтобы не перекувырнуть вселенную.

— Потому что у него характера не больше, чем у половой тряпки. А я люблю жестких мужчин. И потом, у него смешная фамилия: Поднос.

— Но если ты не выйдешь за Соломона, то за кого же ты выйдешь?

— А зачем мне вообще выходить?

— Не говори так. Когда я вышла замуж, я в первый же год прибавила на восемнадцать кило. А ты видела Мышкину. Когда она вчера купалась, на нее было симпатично смотреть. У нее все тело словно перевязано ниточками.

— Мышкина не от замужества потолстела. Я же знаю: она пьет пиво с медом, с маслицем и с желтками.

Красавицы умолкли и потом опять запели:

— Омоложение — это радость, мечта...

— Я сегодня была на базаре, — заговорила порывисто и страстно та, которой не лежалось спокойно, — и видела, как в фэтоне проехал такой интересный человек. Он ехал со станции, потому что у него в ногах лежал чемодан.

— Это приехал к Кошелевым их родственник из Москвы. Кошелева вчера приходила к нам в магазин и спрашивала, когда приходит поезд. Мы ей сказали.

— Он приехал жениться на Вере Кошелевой? — спросила Рая.

— Пш... Разве он дурак или душевнобольной? Такой мужчина может жениться на богатой и совсем молоденькой девушке. Он как принц.

— Ты, Зоя, готова влюбиться в простой пень. Разве ты не сказала, что новый провизор — самый красивый человек в мире?

— При чем тут я? Это говорят все.

Полная в это время села и стала натягивать на могучие ноги длинные палевые чулки.

— Я ухожу, — сказала она. — Лева скоро придет домой. Ай, какой он смешной в своей любви ко мне. Он каждый день мерит меня сантиметром. Ему все хочется, чтоб я была совсем толстушкой.

— Молодой Кошелев гладко выбрит и похож на артиста, — сказала Зоя, расправляя и надевая на шею рубашку. — Таких мужчин приятно целовать в губы.

Они стали одеваться и скоро ярко запестрели на фоне зеленых холмов.

А на зеленых холмах в полуденной дымке застыли Баклажаны — город белых одноэтажных домиков и голубых деревянных церквей, родной брат Хороля и Кобеяк, племянник Миргорода, город акаций, фруктовых садов и пирамидальных тополей, маленький город с единственной мощеной улицей и кирпичными тротуарами. Из его кудрявого зеленого букета торчала, словно палка из цветочного горшка, худая мачта-антенна на крыше единственного известного товарища.

По тропинке, спускающейся к берегу, в это самое время шли два человека, один высокий, весь в белом, без шляпы, другой низкий, сутулый, какой-то серый, едва поспевавший за белым.

— Вот он, — прошептала Рая, — это с ним идет Бороновский — я его боюсь. Папаша сказал, что от него можно заразиться чахоткой. Посмотри, какое желтое у него лицо, как лимон.

Полная одернула сзади платье, чтоб кверху подтянуть декольте.

Они, потупившись, прошли мимо Кошелева и Бороновского и не оглянулись, только полная теперь одернула декольте вниз, чтобы побольше закрыть спину.

Они обернулись к Зое, которая шла сзади, но ее не было.

— Где же она? — удивленно спросили обе друг друга и воспользовались случаем внимательно оглядеть белую спину, исчезающую в зелени.

— Она верно пошла другою дорогою, она всегда боится тех, в кого влюблена: она глупа.

— А он правда красив, — прошептала пышнейшая из пышных.

— Мужская красота — фикция, — презрительно отвечала Рая, — у всех русских плоские лица.

Ну конечно, Кошелев не был красавцем в том смысле, как рисуют на картинках, да и в самом деле не фикция ли мужская красота? Но уж он вовсе не был похож на баклажанских мужчин и выделялся среди них, как в столице нашей выделяется заезжий англичанин. Все на англичанине не такое, и портфель у него с машинкой, и башмаки невообразимо острые, и пальто зеленое нескладностью своею складное, и шляпа аппетитная, как шоколадный торт, и очки черепаховые огромные, не для человеческих глаз, и ни разу локтем в толпе даму наотмашь не саданет. Клином врезалась в революционную столицу буржуазная штука. И таким же клином в Баклажаны вонзился Кошелев. Баклажанские мужчины бреются редко, а то и вовсе не бреются, а он через день, у баклажанских мужчин брюки гармошкой болтаются, а у него складка впереди сверху донизу, и рубашка прозрачная особой спортивной выработки — от блаженной памяти — Альшванга. Да как же это возможно, воскликнут иные скептики, чтоб на восьмой год рабочей власти подобная рубашка, как же не смел ее вихрь революции! А вот не смел, и дело тут, очевидно, не в слабости вихря, а в прочности материи; да что ж вы рубашке удивляетесь, если и сам Кошелев — носитель ее — уцелел. Уцелел и в Баклажаны приехал поездом прямого сообщения.

Кошелев и Бороновский вышли между тем на берег.

Река ослепительно сверкала на солнце.